

О КЛАССИФИКАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ¹

© 2012 г. С. Д. Шелов, В. М. Лейчик

В работе представлены основные точки зрения на соотношение профессионализмов, профессиональных жаргонизмов и единиц профессионального просторечия в составе профессиональной лексики русского языка. Выясняются общие и различные свойства этих классов специальной лексики.

The article deals with professionalisms, professional jargon words and professional vernacular units within professional lexis of the Russian language. Common properties and differentiating characteristics of these lexical classes are highlighted.

Ключевые слова: профессиональная лексика, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, профессиональное просторечие.

Key words: professional lexis, professionalisms, professional jargon words, professional vernacular units.

Специальная лексика профессионального и терминологического характера представляет собой очень существенную и фактически самую крупную по объему часть лексического состава современных развитых национальных языков. Она отражает научные, технические, экономические, общественно-политические знания, религиозные верования современного человека и противопоставляется так называемой общеупотребительной лексике, лексике диалектов, разговорной бытовой лексике и т.п.

В то же время граница между этой специальной и общеупотребительной лексикой подвижна в двух отношениях. Во-первых, одна и та же лексическая единица может использоваться и в бытовой речи, и в какой-либо специальной сфере знаний и деятельности.

Во-вторых, общеупотребительное слово может перейти в специальную лексику или целиком, или в некоторых своих значениях и закрепиться в составе профессионализмов или терминов (как результат профессионализации и терминологизации) или же в результате обратного процесса (депрофессионализации и детерминологизации) перейти в состав общеупотребительной лексики с одновременной заменой специального значения на неспециальное².

В этих условиях естественно ожидать существование различных промежуточных явлений, иллюстрирующих срединное положение языковых единиц на пути от общего слова или словосочетания к профессиональному слову или термину, или наоборот – от профессионального слова или термина к общему слову или словосочетанию (при этом предшествующая форма ее существования может сохраняться или исчезать).

Соотношению классов терминологических и профессиональных лексических единиц были посвящены работы [1; 2], в которых отмечалось, несмотря на наличие значительной общей части, их принципиальное несовпадение. Это несовпадение объясняется как наличием непрофессиональной терминологии, так и использованием в профессиональных сферах общения языковых единиц, не соответствующих ни литературной, ни профессиональной норме, что свидетельствует в пользу существования профессиональных, но нетерминологических пластов специальной лексики³.

Поэтому основная цель настоящей статьи – выяснить соотношение основных классов только внутри профессиональной лексики русского языка, причем именно в ее нетерминологической части. К числу таких классов чаще всего относят профессионализмы, профессиональные жаргонизмы и единицы профессионального просторечия. Далее мы попытаемся представить обзор основных точек зрения по этому вопросу, а также

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 11-24-01001a/Bel).

² По вопросам специализации лексики общего языка и деспециализации лексики профессионально-терминологического характера имеется обширная литература, начиная с работ шестидесятых годов XX в. Л.А. Капанадзе и кончая работами последнего времени М.В. Косовой.

³ Мы ограничиваемся здесь также только такими единицами профессионального словоупотребления, которые называют специальные понятия, и не касаемся вопроса о существовании специальной профессиональной лексики, служащей обозначением неспециальных, общих понятий.

предложить собственное его решение, которое, как можно надеяться, позволяет установить взаимоотношения этих языковых классов, используя для этого единые критерии по отношению к лексическому запасу самых различных областей, дисциплин и сфер практической деятельности.

Решающим в выделении профессионализмов и их отделения как от общеупотребительных лексических единиц, так и от терминов, предстает фактор их “неофициальности”, “неузаконенности”. Вполне определенно эта мысль проводится А.В. Калининым, сравнивающим термины и профессионализмы: “Разница между термином и профессионализмом заключается в том, что термин – это совершенно официальное, принятое и узаконенное в данной науке, отрасли промышленности, в сельском хозяйстве, технике обозначение, название какого-то понятия, а профессионализм – полуофициальное слово, распространенное (чаще в разговорной речи) среди людей какой-то профессии, специальности, но не являющееся, в сущности говоря, строгим, научным обозначением понятия” [3, с. 140]. Говоря о профессионализмах, тот же автор обращается к специальной лексике полиграфии и корректорского дела и приводит в качестве примеров *висячая строка, возжси, коридор, осадить марашку, форточка* и т.п. При этом подчеркивается, что в одном из справочных изданий, куда включены эти единицы, они лексикографически оформлены кавычками, что является подтверждением их квалификации как профессионализмов, но не терминов: «Кавычки как раз и подчеркивают, что слово еще “не дотянулось” до термина» [3, с. 141] (ср. также со взглядами и примерами из профессиональной речи корректоров А.А. Реформатского и его примерами из профессиональной речи полиграфистов и корректоров типа *ротационка, рантовка, трехгибка* [4, с. 169]). Профессионализмы, как мы видим, составляют еще один подкласс специальной лексики, во многих случаях синонимичной терминам, но относящейся не к научно-техническому, а разговорному стилю современного развитого литературного языка.

Интересно, что кавычками отмечаются также специальные лексические единицы, которые не воспринимаются как полноценные термины и в ряде других справочно-энциклопедических изданий. Так, в многоязычном словаре терминов по физической географии [5] в кавычках приведены сочетания “*кроткая вода*” (“период смены приливных течений на отливные”), “*алмазная пыль*” (“мельчайшие кристаллы льда <...> осажденные из чистого воздуха при очень низкой температу-

ре”), “*бараны лбы*” (“округлые выступы склонов или невысокие холмы овальных очертаний”).

Аналогичные явления можно наблюдать и при анализе терминологии самых различных областей знания и дисциплин. Так, автор известного учебника по языкознанию, говоря о явлении редупликации, использует специальное обозначение “аффикс-хамелеон” и констатирует: «Редупликация во многих случаях может быть описана и иначе – как прибавление особого сегмента, так называемого “аффикса-хамелеона”. Фонемный состав экспонента этого аффикса является переменным и определяется каждый раз в зависимости от состава экспонента того корня, к которому аффикс присоединяется» [6, с. 163].

Интересно, что и здесь профессионализм выделяется кавычками и, кроме того, добавляется его метаязыковая оценка – “так называемый”. Рассказывая об истории письма, тот же автор сообщает студентам: «У аккадцев заимствованные письменные знаки используются как “гетерограммы” (от др.-греч. *heteros* ‘другой, чужой’), т.е. сохраняют традиционное шумерское звуковое чтение и вместе с тем начинают читаться по-аккадски» [6, с. 248].

Роль кавычек в письменном тексте как показатель освоенности специальных номинаций тем или иным подязыком обсуждается также в работе Н.В. Сербиновской [7, с. 47–49], что имеет прямое отношение и к проблематике терминологических окказионализмов и профессионализмов, а также профессиональных жаргонизмов (см. об этом ниже). В работе приводятся любопытные с этой точки зрения закавыченные номинации типа “*вялый*” рынок, “*ленивый*” рынок, “*мертвый*” рынок, стратегия “*вытягивания*”, “стратегия *леди Макбет*”, стратегия “*пэк Мэн*”, стратегия “*проталкивания*”, стратегия “*снятия сливок*”, “*товарная корзина*”, цена “*тесная*”, “*цена шанса*” и др. [7, с. 200–232].

Единообразно трактуются профессионализмы в работах [1; 8, с. 18], где они понимаются как слова или словосочетания, выражающие специальное понятие и характеризующиеся а) большей или меньшей ненормированностью их употребления в данном значении, б) функционально-стилевой ограниченностью такого употребления разговорным стилем (подстилем) и в) наличием более или менее ярких эмоционально-экспрессивных коннотаций при соотношении того, какое профессиональное понятие выражено, и того, как именно это понятие обозначено (номинаровано). При этом решающее значение отдается первым двум усло-

виям, а третье – в некоторых случаях может и не соблюдаться⁴.

В состав профессионализмов, в частности, входят все лексические образования, нормативный статус которых на момент их рассмотрения не соответствует норме, но которые широко используются в разговорном стиле. В дальнейшем подобные образования могут получить статус профессиональной нормы и даже перейти в подкласс терминов, нормативность которых подтверждается соответствующими документами, в частности, терминологическими стандартами, как это произошло с лексическими единицами *дребезг* (не *дребезжание*!), *сжим*, *обжиг*, *взрез*, *выбег*, *растир*; *останов* (не *остановка*!), или *задатчик*, *оброслость*, *обустройство*; *угловой*, *гнойничковый*, *флажковый*; *адресность*, *страничность*, *водность*, *озерность*; *сноговорение* (наряду со *сновидение*); *пóлик* (днище в кабине автомобиля) и т.п.; в качестве профессионализмов орфоэпическая норма допускает также *грунты*, *искра*, *компáс*, *комплéкс*, *лáвровый*, *атмóсфера*, *рудник*, *ветерина́рия* и др. (подробнее см. в статье [11]).

В целом аналогичная трактовка этих явлений предложена в словарной статье “Профессионализмы” В.Н. Прохоровой, в энциклопедии “Русский язык”, согласно которой это – слова или выражения, свойственные речи той или иной профессиональной группы. В качестве примеров здесь приведены: *ляп* (“опечатка” в речи газетчиков), *баранка* (“руль” в речи шоферов), *кастриюля* (“синхрофазотрон” у физиков). Там же отмечается, что “профессионализмы сходны с жаргонизмами и словами просторечной лексики по сниженной, грубой экспрессии” [12, с. 240]. При таком подходе термины и профессионализмы, получая тождественную или близкую семантическую характеристику, могут резко различаться узусом, ориентацией на сферу употребления. Наиболее ярко эта картина наблюдается при существовании коррелятивной пары, один член которой квалифицируется как термин, другой – как профессионализм, ср. приведенные примеры: *опечатка* – *ляп*, *рулевое колесо* – *баранка*, *синхрофазотрон* – *кастриюля*.

Явление, близкое к лексическим профессионализмам, исследует Н.М. Карпухина, которое она называет **профессионально терминованные наименования** [13; 14]. В учебном пособии это

понятие толкуется следующим образом: “В отличие от профессионализмов, понимаемых в традиционном смысле, **профессионально терминованные наименования** – это языковые единицы специальной лексики, функционирующие, как и термины, в сфере профессиональной деятельности, не являющиеся заместителями, синонимами или дублетами официальной терминологии” [14, с. 83]. Составленный тем же автором словарь объемом приблизительно в 500 профессионально терминованных наименований включает, например, следующие единицы: “*беглые предприятия*” (предприятия, изменившие свое месторасположение, чтобы уклониться от требований кредиторов, налоговой инспекции и др.), “*белый слон*” (сделка, при которой расходы заведомо превышают возможную прибыль), “*близкие*” *деньги* (1. Облигации со сроком погашения через короткое время. 2. Любой актив, легко превращающийся в наличные...), “*быки*” (биржевые маклеры, которые скупают ценные бумаги <...>, чтобы через определенное время продать их по более высокой цене <...>), “*глубина рынка*” (мера, в которой данный рынок способен расширять куплю и продажу товаров без значительного изменения цен на них), “*голубые фишки*” (акции компаний с хорошей и устойчивой репутацией на бирже и высокими доходами), “*гора*” (излишки сельскохозяйственной продукции, накопленные в ЕС <...>), “*каменное дно*” (нижний уровень возможного падения цены), “*премиальный рейд*” (внезапная попытка поглотить компанию путем предложения акционерам выкупить их акции с премией сверх рыночной цены), “*ушные*” *деньги* (деньги, вложенные в ту или иную сделку на основе неизвестной широкой публике информации), “*ракетный ученый*” (сотрудник биржи или брокерской фирмы, занятый операциями на финансовых рынках на основе новейших компьютерных программ...), “*почти деньги*” (денежные средства, выполняющие функции денег...) и др. [13]. Показательно с этой точки зрения, что подавляющее большинство подобных единиц (или их лексическая часть) подано автором словаря в кавычках, которые свидетельствуют о том, что соответствующие единицы пока не получили официального статуса.

По мнению Н.М. Карпухиной, профессионально терминованные наименования составляют своеобразную прослойку между терминами и профессиональными жаргонизмами, а среди всех типов профессиональной лексики ближе всего к ним стоят **предтермины**, то есть ЛЕ, которые по разным содержательным, формальным или функциональным причинам не достигли статуса тер-

⁴ Профессионализмы при таком их понимании могут быть названы и профессиональными коллоквиализмами. Некоторые критические замечания относительно такого понимания профессионализмов высказываются в работах С.В. Гринева [9, с. 50–51] и И.С. Кудашева [10, с.106].

минов, но могут при определенных благоприятных условиях достичь его. При этом выясняется, что члены выделенного автором класса языковых единиц могут обладать как отрицательными, так и положительными коннотациями, т.е. элементами значения эмоционально-экспрессивного характера, ср. “жирный кот”, “черный нал”, “серый рынок”, но “голубые фишки”, “широкий рынок”, “радуга”.

С точки зрения прагматической характеристики профессионального общения решает вопрос о профессионализмах Е.И. Голованова [15]. Она выделяет “два основных типа отношений между коммуникантами в условиях профессионального общения: 1) формальное (официальное), статусно-ролевое и 2) неформальное (неофициальное), групповое (корпоративное) или межличностное общение”. Характеризуя прагматические моменты первого типа профессионального общения, автор считает, что “используя нормативные, стандартизированные единицы языка профессиональной коммуникации (термины), коммуниканты подчеркивают объективность вербализованной в текстах профессиональной информации и имплицитно воздействуют друг на друга”. Описывая же прагматические моменты второго типа, она констатирует: “Второй тип отношений – неформальные, неофициальные – имеет множество форм репрезентации, набор ситуаций подобного общения практически не ограничен <...>. В единицах профессиональной коммуникации здесь важно не объективированное, а, наоборот, субъективированное, присвоенное знание”. В связи с этим профессионализм, в отличие от термина, оказывается единицей преимущественно устной сферы коммуникации, для которого, по мысли автора, первична коммуникативная значимость. Поэтому, хотя, как и термин, профессионализм выступает знаком специального понятия, «для него важна не объективированная (а потому “усредненная”, нейтральная) форма знака, а субъективированная, связанная с образом, игрой, творчеством или отражающая практическое знание субъекта профессиональной деятельности (перцептивные характеристики объекта номинации, его “деятельностные” свойства и т.д.)»; в качестве примеров профессионализмов автор приводит *изоляция* – место для хранения бракованной продукции; *рог* – крюк подземного крана; *проброк* – окончание гарантийного срока хранения [15, с. 94–95]. Точка зрения Е.И. Головановой на профессионализмы не противоречит взглядам А.В. Калинина, В.Н. Прохоровой, М.И. Фоминой, Н.С. Араповой и других, а ее языковые иллюстрации полностью согласуются с материалом упомянутых авторов.

Скорее, эта точка зрения является подтверждением данных взглядов и их обоснованием в рамках так называемой когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических и терминоведческих исследований.

В связи с приведенным материалом необходимо упомянуть еще одно понятие, примыкающее к рассмотренным выше, понятие **профессионального жаргонизма**, тем более, что по вопросу о соотношении профессионализмов и профессиональных жаргонизмов существуют самые разнообразные и порой противоречивые точки зрения. Как отмечает О.В. Фельде, “несмотря на наличие в терминоведении глубоких теоретических работ, в которых рассматривается стратификация специальной лексики, в том числе и некодифицированной <...> маркирующие единицы профессионального просторечия – профессионализмы и профессиональные жаргонизмы – нуждаются в дальнейших исследованиях” [16, с. 72].

Большинство исследователей склонно разграничивать профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, исходя из того, что для жаргонизмов характерны еще большее отклонение от нормы и еще большая стилистическая сниженность, чем для профессионализмов (например, в работах [1; 3; 8, с. 18–19; 17]). Интересно, что в работах Д.С. Лихачева и Л.В. Успенского 30-х годов XX в. аналогичный лексический материал квалифицируется как профессиональное аргот [18; 19] (статья Д.С. Лихачева впервые была опубликована только в 1964 г.).

Различаются профессионализмы и профессиональные жаргонизмы и в упомянутой работе Е.И. Головановой: “Профессиональные жаргонизмы, хотя и возникают в устной профессиональной среде, в меньшей степени могут быть соотнесены с термином. При помощи этих единиц могут обозначаться не только значимые профессиональные объекты, но и такие их характеристики, свойства, отношения, которые не репрезентированы в терминах (поскольку не участвуют в построении логической модели данной области знания или деятельности). Ср. в речи продавцов: *висяк* – залежалый товар; *Достоевский* – покупатель, который долго примеряет что-л., но не покупает <...> если профессионализмы могут со временем приобрести нормативный характер (ср. *черная дыра*, *раковина*, *мышь* и т.п.), то профессиональные жаргонизмы не способны к этому, их условность ясно ощущается говорящими” [15, с. 95].

В работах других исследователей профессиональные жаргонизмы представлены как часть профессионализмов: “Разновидностью профес-

сионализмов являются профессиональные жаргонизмы”, – подчеркивается в учебном пособии С.В. Гринева-Гриневица [20, с. 51] (впрочем, тот же автор в том же пособии приводит таблицу признаков специальных лексических единиц, в которой профессиональным жаргонизмам приписываются специфические по сравнению с профессионализмами характеристики [20, с. 47], что нелогично, если считать, что “разновидностью профессионализмов являются профессиональные жаргонизмы”). Таким же образом, как часть профессионализмов, трактуются профессиональные жаргонизмы и в вузовском учебнике “Культура русской речи”, где в качестве примеров последних приводятся *нутрянка* – в строительстве: внутренние санитарно-технические системы; *наводнение легкого* – в медицине: отек легкого при обтурационном ателектазе; *играющая гармонь* – разновидность сухого хрипа при бронхиальной астме” [21, с. 206]. Включает профессиональные жаргонизмы в число профессионализмов и автор работы [7, с. 132]. Однако некоторые авторы, например, В.Н. Прохорова и Е.Н. Малюга высказывают противоположное мнение, согласно которому, наоборот, профессионализмы составляют часть профессиональных жаргонизмов [22; 23].

Совсем другую позицию в вопросе о профессионализмах и профессиональных жаргонизмах занимает Е.И. Беглова, которая считает одной из важных задач “изучить теорию по проблемам некодифицированного слова и представить собственную точку зрения на жаргон, арг, профессиональный язык, просторечие с целью упорядочения понятий и терминов” [24, с. 2]. Ее понимание профессионализма состоит в следующем: “1) это – полуофициальное наименование явления определенной сферы деятельности, не ставшее общеупотребительным и присущее чаще устной речи людей одной профессии; 2) профессионализм не имеет эквивалентов в терминологии этой же отрасли и в литературном языке; 3) профессионализму присуща мелиоративная коннотация; 4) семантика профессионализма порождается спецификой явлений определенной отрасли знания, деятельности; 5) профессионализм – это индикатор полного освоения производственного процесса и его творческого осмысления представителями профессиональной группы”. Е.И. Беглова приводит следующие примеры из медицины – *обжевавшийся ребенок* в значении “ребенок, постоянно жующий жвачку, в результате чего у него развиваются и болят челюстно-лицевые мышцы”, *фартурк* – в речи пластических хирургов – “излишки жира на животе и бедрах” и т.п. Из пяти пунктов, перечисленных выше,

чрезвычайно важен второй, – пункт о наличии или отсутствии синонимического нормативного эквивалента данному специальному слову в профессиональном языке. В первом случае, по мысли автора, мы имеем дело с профессиональным жаргонизмом, во втором – с профессионализмом. «Именно профессионально-жаргонная лексика, – считает автор, – имеет эквиваленты в терминологической лексике, отличающейся в силу своей научной официальности “сухостью”, строгостью формы и содержания. Например, в современных публицистических текстах отмечаются: *щипачи* – в речи оперативных работников – воры-карманники; *верблюды* – в речи торговцев – человек, нанятый для переноски тяжестей; *вечные тени* – в речи косметологов – татуировки вокруг глаз и др.» [24, с. 2].

Говоря об отсутствии у профессионализмов параллельных синонимов, соответствующих требованиям профессиональной нормы, Е.И. Беглова противоречит мнению большинства исследователей, согласно которому профессионализмы обычно (или даже всегда) выступают именно как разговорные, эмоционально окрашенные синонимичные эквиваленты терминов (Н.С. Арапова, Н.К. Горбовский, С.В. Гринев, А.В. Калинин, В.Н. Прохорова, В.Н. Сергеев, Е.Н. Толикина и др.). С мнением Е.И. Бегловой не совпадает и точка зрения Н.М. Карпухиной, согласно которой водораздел между профессионализмами и профессионально терминованными наименованиями идет как раз по линии наличия или отсутствия синонимических эквивалентов, причем именно профессионализмы имеют такие синонимы, а профессионально-терминованные наименования – нет. Ср.: «Профессионализмы – как бы “теневые” обозначения; они сопровождают официально узаконенные и вносимые в нормативные документы термины», “профессионализмы возникают в определенных условиях как вторичные формы выражения и функционируют чаще всего как заместители официальных терминов, представляя собой их профессионально-разговорные дублеты” [14, с. 14].

Еще одну точку зрения высказывают А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева, категорически возражающие против употребления выражений “профессиональный жаргон”, “профессиональное арг”, поскольку, с точки зрения авторов, жаргонизмы “фактически ничего не прибавляют к языку, а лишь создают особый колорит речи” [25, с. 27]. В то же время в упомянутой работе на страницах раздела “Профессиональное просторечие” авторы рассматривают языковой материал, который обычно приводится

при обсуждении тем “терминология и профессионализмы” и “терминология и профессиональные жаргонизмы”. Ср.: «Например, у речников Московского и Волжского пароходства сложились следующие эмоционально окрашенные обозначения: *пузырь* – старый двухпалубный пассажирский теплоход; *утог* – РБТ (речной буксир-толкач типа “Вьюга”, “Тайфун”); *швейная машинка* – двигатель ЗД-6 (дизель) на теплоходах типа “Южный”; *корыто* – баржа-площадка 1-тысячная, реже – теплоход-площадка; *приставка* – трехтысячная баржа, толкаемая вперед теплоходом типа “Б”» [25, с. 73].

Итак, при всем разнообразии авторских классификаций профессиональной лексики, в предлагаемых подходах терминология и профессиональная лексика разграничиваются, а в качестве лексических единиц, входящих в профессиональную лексику, но не входящих в терминологию, часто называют и профессионализмы, и профессиональные жаргонизмы. Однако, хотя и профессионализмы, и профессиональные жаргонизмы достаточно единодушно относятся к профессиональной лексике и отделяются от терминологии, в литературе представлены самые разнообразные (а иногда – и противоположные) мнения о соотношении “профессионализмы – профессиональные жаргонизмы”. В некоторых работах профессионализмы и профессиональные жаргонизмы не дифференцируются; имеются также точки зрения, согласно которым – это разные и непересекающиеся классы; в соответствии с другими взглядами профессиональные жаргонизмы – часть профессионализмов. В соответствии с положениями третьей группы лингвистов, напротив, профессионализмы – часть профессиональных жаргонизмов. Наконец, имеются высказывания относительно некорректности понятий и, соответственно, терминов “профессиональный жаргон” и “профессиональный жаргонизм”.

Могут ли быть разрешены возникшие прямые противоречия между точками зрения различных авторов и, если могут, то как?

Здесь необходимо сделать несколько важных замечаний.

1. Критерий наличия или отсутствия параллельных синонимичных обозначений, признаваемых вполне официальным, нормативным способом обозначения соответствующих понятий и реалий, не должен быть решающим – и тем более единственным – при сущностной классификации специальной лексики. Соглашаясь с Н.М. Карпухиной в том, что представленные ею номи-

нативные единицы относятся к специальной (в частности, профессиональной) лексике и не относятся к терминологии (так как не удовлетворяют требованиям их узаконенности, официальности, соответствия норме), мы все же полагаем, что целесообразнее толковать их как ту **часть профессионализмов, которые не имеют дублетных или синонимичных эквивалентов** в терминологии. Аналогично, и критерий наличия у специальной лексической единицы вполне официального и кодифицированного синонима не является, вопреки точке зрения Е.И. Бегловой, решающим аргументом в пользу признания его жаргонизмом, а не профессионализмом. **И профессионализмы, и профессиональные жаргонизмы могут иметь, а могут и не иметь параллельных синонимичных нормативных лексических единиц (слов и словосочетаний), выражающих то же понятийное содержание.** Невозможно отрицать существование рядов: *рулевое колесо* – *баранка*, *самолет* – *борт*, *громкоговоритель* – *матюгальник*, *ружейная дробь* – *пшенка*, *звукоулавливатель* – *слухач*, *быстротвердеющий цемент* – *быстряк*, *станковый пулемёт* – *станкач*, *огранная крепь* – *огранка*, *чугунно-литейный цех* – *чугунка* и т.п., как бы ни оценивать вторые лексические компоненты этих рядов – как профессионализмы, как профессиональные жаргонизмы, как единицы профессионального просторечия или как-то еще. Точно так же невозможно отрицать многочисленные случаи отсутствия каких-либо официально принятых, “узаконенных” стандартных средств для обозначения специальных понятий, которые в какой-то исторический момент выражаются только полуофициальными, некодифицированными способами, независимо от того, имеют они или не имеют экспрессивные коннотации; ср. уже приводившиеся примеры специальной лексики маркетинга “*вялый*” рынок, “*ленивый*” рынок, “*мертвый*” рынок, стратегия “*вытягивания*”, стратегия “*проталкивания*”, стратегия “*снятия сливок*”, “*товарная корзина*”, “*тесная*” цена, “*цена шанса*” из монографии Н.В. Сербинской [7, с. 219–233].

Разумеется, фактор наличия или отсутствия таких стандартных средств имеет чрезвычайно важное значение для судьбы подобной единицы (профессионализма, жаргонизма, единицы профессионального просторечия) с точки зрения ее вхождении или невхождения в состав терминологии, повышая шансы такой единицы стать термином, если “официального” синонимического эквивалента нет, и уменьшая их, если он есть. Но этот фактор не меняет сущностной характеристики и профессионализмов, и жарго-

низмов. В отношении профессиональных жаргонизмов это обстоятельство отмечается в работах Л.П. Крысина, который выделяет в жаргонах две группы коммуникативных средств: "(1) средства, совпадающие с единицами общенационального языка и составляющие основу лексического и грамматического строя профессиональных жаргонов; (2) арготические слова и обороты, отчасти дублирующие официально принятые в соответствующем специальном подязыке термины, отчасти **именующие то, что не имеет официально принятого терминологического обозначения**"⁵ [26, с. 68; 27, с. 70].

2. Что же касается соотношения и различия между профессионализмами и профессиональными жаргонизмами, то дополнительно обратим внимание на следующие моменты.

Слово и термин "жаргон" так же, как и слово и термин "термин", не привязано, как уже отмечалось, к какой-либо профессиональной деятельности, в отличие от слова и термина "профессионализм". Отсюда – совершенно разное звучание металингвистических выражений "профессиональный жаргон военных" и "жаргон картежников", "профессиональный жаргон математиков" и "жаргон коллекционеров-филателистов", "профессиональный жаргон металлургов" и "воровской жаргон" и т.п. В этом же смысле и термин "жаргонизм", производный от единицы "жаргон", шире по сфере применимости термина "профессионализм". И вполне естественно говорить и о профессиональных, и о непрофессиональных жаргонизмах, о военных жаргонизмах и о жаргонизмах картежников, математических жаргонизмах и жаргонизмах коллекционеров-филателистов, о жаргонизмах оперативных работников милиции и о воровских жаргонизмах. В то же время в научной речи по вопросам лексического состава языка вряд ли возможны номинации типа "воровские профессионализмы (?) или "профессионализмы картежников (?)", "профессионализмы филателистов (?) (поскольку упомянутые занятия не являются профессиональными), как невозможно в лингвистическом метаязыке и словосочетание "жаргонный профессионализм(?)".

3. Наконец, в тех случаях, когда разумно поставить вопрос о том, к какому классу единиц относится данная языковая единица – к профессионализмам или к профессиональным жаргонизмам, следует отметить, что разница между ними заключается лишь в степени интенсивности пере-

численных характеристик: у профессиональных жаргонизмов все перечисленные свойства выражены ярче и интенсивнее, чем у профессионализмов, причем особенно это касается эмоционально-экспрессивных созначений языковых единиц. Профессионализмы, совершенно лишённые таких коннотаций, явление допустимое, а профессиональных жаргонизмов без эмоциональных и экспрессивных коннотаций не бывает.

Так, *"рука-ключ"* (устройство биометрической идентификации человека по форме руки для определения "свой-чужой", применяемое для регламентации доступа в помещение), *"обычный процент"* (процентный платеж, рассчитываемый на основе года в 360 дней; отношение к точному проценту – 1,0139), *"челноки"* (торговцы, закупающие товары массового потребления на дешевых, как правило, зарубежных рынках и доставляющие их на мелкооптовый и розничный отечественный рынок), *"выход в люди"* (первая широкая распродажа ценных бумаг после регистрации), *"тяжелая" акция* (акция, цена которой выше, чем средняя цена акции на рынке), *"бумага"* (ценные бумаги, которые можно покупать и продавать или держать в качестве инвестиций (вложений)) – **профессионализмы** сферы товарно-денежных отношений, а специальные единицы *"большой карман"* (финансовое положение партнеров в предприятии с практически неограниченными средствами), *"снежный ком"* (мошеннический способ рекламной продажи, состоящий в том, что товар продается покупателю только при условии размещения им последующих продаваемых товаров среди других потенциальных покупателей), *"толпа"* (биржевые брокеры и другие участники биржевых торгов, собирающиеся в конкретном месте торгового зала для заключения сделок), *"трофеи"* (товары, продукты, тайно и без оплаты унесенные для личного потребления или продажи работникам торговли, общественного питания с места своей работы), *"трупное окоченение"* (нарастающее налогообложение доходов от прироста курсовой стоимости акций, которое делает невыгодным их продажу), *"чистка окон"* (меры, принимаемые для придания балансу большей эффективности на момент его представления в налоговые органы при обращении за долгосрочным кредитом), *"бык"* (биржевой маклер, скупающий ценные бумаги, валюту, товары с тем, чтобы через определенное время продать их по более высокой цене) (ср. *час "быка"*), *"медведь"* (биржевой маклер, заключающий сделку по продаже ценных бумаг, валюты, товаров, которых у него фактически нет, рассчитывая на будущую покупку их по более высокой цене) (ср. *час "медведя"*) –

⁵ Автор использует здесь термины "арго" и "жаргон" и производные от него "арготический" и "жаргонный" как синонимичные.

профессиональные жаргонизмы той же сферы (по материалам словаря Н.М. Карпухиной [13]).

Ограничение употребления профессионализмов и профессиональных жаргонизмов разговорным или просторечным стилем общения тесно связано с другой их характеристикой (возможно также, что это ограничение, как предполагается в работе Е.И. Головановой [15], есть прямое следствие этой характеристики). Речь идет об эмоциональности, экспрессивности данных подклассов специальной лексики, в связи с чем отмечают еще и их особую образность. Понятия “эмоциональности”, “экспрессивности”, “образности” вряд ли устоялись в лингвистике настолько твердо, чтобы говорить об их общепринятости. Важно, однако, то, что в различном сочетании или в своей совокупности соответствующие свойства характеризуют профессиональную лексику как особый подкласс специальной лексики, отличной от терминологии. Отличие здесь заключается в существовании особого аспекта смыслового восприятия, который можно было бы назвать “динамическим” и который отсутствует у терминов устоявшихся. Этот аспект обращен к внутренней форме слова (или словосочетания), к выбранному способу номинации. А способ номинации неизменно влечет осознание не только того, что обозначается, но и осознание того, как обозначается, вызывая, в свою очередь, и соответствующие ассоциации. Так, англ. *coventrate* (“подвергать разрушительной бомбардировке с воздуха” – *воен.*) вызывает образ Ковентри – английского города, подвергшегося варварской бомбардировке в период Второй мировой войны; англ. *bruiser* (“боксер-профессионал” – *спорт.*) оценивается как яркая характеристика спортсмена-боксера: “тот, кто ставит синяки”, от англ. *bruise* (“синяк; ставить синяки”). Эта лексика, получившая в Большом англо-русском словаре под ред. И.Р. Гальперина (М., 1977) помету “проф.”, послужила материалом изучения для Н.Н. Медведевой [17].

Эмоционально-экспрессивная окрашенность подобных единиц часто определяется внеязыковыми факторами: отношением к соответствующим явлениям, денотатам, которые стоят за семантически производящими и семантически производными словами. Нередко внеязыковые и собственно языковые факторы переплетаются: говорящий оценивает не только денотаты, но и сам перенос одного и того же имени на другой объект. Не всегда эта оценка той же степени интенсивности, что в приведенных выше примерах, не всегда смысловая аналогия столь прозрачна, но важно, что этот динамический аспект слова постоянно сохраняет свою силу. Для профессио-

нализов и профессиональных жаргонизмов этот аспект их восприятия существует и действует в синхронии, для терминов он актуален только в диахронии; ср. закрепившиеся в науке и технике термины *лопатка*, *коленная чашечка* в медицине или *сошка*, *хомут*, *вилка*, *сухарь* как обозначения различных деталей и узлов в технике (например, *сошка рулевого управления*, *шток вилки выключения*, *блокировочный сухарь штока* – в автоделе), где эмоционально-экспрессивная окрашенность лексических единиц ослаблена, ассоциации со словами в других значениях (*сухарь* – засохший кусок хлеба) забываются.

В то же время исчезновение “динамизма” у этой части профессиональных наименований и полная замена его семантической “статикой” терминов не есть одномоментный акт. Это может быть длительный, социально обусловленный процесс профессионального употребления и терминологического становления данного слова или словосочетания. Только когда употребление слова или словосочетания в специальном значении достигает известного автоматизма, который исключает ассоциации, вызванные внутренней формой, когда этот процесс достаточно широко охватил специалистов соответствующей области и получил отражение в социально-языковой практике устного и письменного общения, – только тогда, по-видимому, можно с достаточным основанием говорить о термине с присущей ему стилистической нейтральностью, полным или почти полным отсутствием экспрессивности и эмоциональности. Отсюда неизбежно следует известная относительность противопоставления “эмоциональность – неэмоциональность”, продиктованная степенью терминологического, внеассоциативного освоения языковых единиц. Можно согласиться с В.Н. Прохоровой, когда она настаивает на том, что раз есть внутренняя форма слова (реализуемая посредством метафоры, метонимии, образа), то есть и эмоциональность [22, с. 24]. Но не следует забывать, что сама внутренняя форма слова не безразлична к языковому узусу, к степени освоения слова или словосочетания в его новом значении. Именно с этих позиций следует, на наш взгляд, подходить к таким примерам В.Н. Прохоровой, как *старение (динамита)*, *жандарм* (“крутой скальный выступ”), *собачка (спускового механизма)*, *лопатка*, *коленная чашечка*. Причем последние два примера, на наш взгляд, иллюстрируют случаи терминологически устоявшегося словоупотребления в медицине, когда степень эмоциональности равна или близка к нулю. В других примерах это, возможно, и не так, но в той мере, в какой внутренняя мотивация

значения (а с нею и образность, и эмоциональность) сохраняется, соответствующие единицы дальше от терминологии и должны быть отнесены к профессионализмам или профессиональным жаргонизмам (ср. в особенности *жандарм*). Близкая точка зрения по этому вопросу высказывалась в работе В.П. Петушкова [28, с. 107]. Именно постепенностью процесса терминологизации, ослабления эмоциональных коннотаций и существованием промежуточных случаев во многом объясняется, по-видимому, длительная научная полемика по вопросу о существовании/несуществовании эмоционально окрашенных терминов, начиная с работ А.А. Реформатского [3; 29; 30].

Итак, учитывая известную градуальность всех выделенных критериев, можно наметить следующую оппозицию между профессионализмами и жаргонизмами, с одной стороны, и терминами, с другой: а) большее или меньшее отклонение от нормы профессионального употребления – соответствие норме профессионального употребления, б) большая или меньшая ограниченность разговорным стилем – неограниченность разговорным стилем, принадлежность к научно-техническому стилю речи, в) присутствие более или менее ярких эмоционально-экспрессивных коннотаций и образности – отсутствие или почти полное отсутствие эмоционально-экспрессивных коннотаций и образности.

Такая характеристика профессионализмов и профессиональных жаргонизмов свидетельствует о том, что они являются языковыми элементами разговорного стиля профессиональной речи, как это отмечается в работе [15], или жаргона. Последний, по замечанию Л.П. Крысина “подобен стилю литературного языка <...>, однако, в отличие от стилей <...> имеет строго определенную, и притом ограниченную, среду, в которой он используется и за пределами которой он непонятен” [26, с. 67]. Профессионализмы как часть профессиональной речи выражают специальные понятия и семантически близки к терминам, но не могут считаться полноправными терминами по причине нестандартного, явно отличного от нормативного способа выражения этих понятий. Профессионализмы (включая и “профессионально-терминированные наименования”, по Н.М. Карпухиной) и профессиональные жаргонизмы относятся к разговорному стилю речи, а собственно термины – к научно-техническому стилю.

В приведенных выше примерах профессионализмов прослеживается хотя бы частичная экспрессивность, образность, но существуют, по-видимому, и такие профессионализмы, для которых

этот фактор не имеет решающего значения. Так, в среде археологов как своеобразные сокращения терминов *каменный век*, *бронзовый век*, *железный век* используются *камень*, *бронза*, *железо* (в выражениях типа “он специалист по бронзе” вместо он специалист по бронзовому веку). Подобные слова, безусловно, относятся к профессионально сниженному, разговорному варианту речи археологов: корреляции вида *каменный век* – *камень* при устоявшемся терминологическом выражении *каменный век* вполне позволяют дать им такую квалификацию. В археологии встречаются также как будто лишенные особой эмоциональности и экспрессивности слова и словосочетания *западина* (“углубление в почве на месте древней землянки или полуземлянки”), *дневная поверхность* (“поверхность почвы на данный период времени”, то же – в терминологии горнодобывающей промышленности), *погребённая почва* (“почва, лежащая под искусственной насыпью кургана”). Для этих единиц отсутствуют корреляции с полноценными терминами типа *камень* – *каменный век*, что приближает их к терминологии и не позволяет относить целиком к лексике профессионального употребления. В то же время пока их нельзя отнести и к полноправным терминам типа *археологическая культура*, *грунтовой могильник* и т.п. Наиболее правильной будет, на наш взгляд, их оценка как промежуточного явления, профессионализмов-полутерминов, и только использование подобных единиц в языковой практике может решить их судьбу: останутся ли они в рамках профессионального употребления, не вполне узаконенного с точки зрения профессиональной нормы письменного общения, перейдут ли они со временем в разряд полноценных терминов или, наконец, будут длительное время сохранять свое промежуточное положение.

Точно так же, при описании русской церковной архитектуры, и, в частности, ее декора, используются лексические единицы типа *бусина*, *городки*, *дынька*, *бегунец* и т.п. Имея весьма специальное значение, единицы эти не вошли пока в архитектурный лексикон терминологически столь же прочно, как, скажем, названия других, конструктивно более важных частей церкви – *глава*, *барaban*, *закомара*, *кокошники*; характерно, что *бусина*, *городки* и т.п., оказываясь в тексте, часто берутся в кавычки, чего не бывает с терминами типа *глава* или *закомара* (ср. также приведенные выше “рука-ключ”, “обычный” процент, “выход в люди”, “тяжелая” акция, “бумага”). Допускается существование нейтральных по экспрессивной окрашенности профессионализмов и в работе О.В. Фельде [16, с. 73], к числу которых в

металлургической, горнодобывающей и золотодобывающей промышленности относятся *отбойник* (отбойный молоток), *огранка* (огранная крепь), *налец цепи* (стальной трубчатый стержень, устанавливаемый в отверстия для крепления деталей) и др.

Еще одно понятие, относящееся к теме “терминология и профессиональная лексика”, – это понятие **профессионального просторечия** и, соответственно, **единиц профессионального просторечия** (см., например, работы [16; 31; 32]). В самом деле, какое место занимают единицы профессионального просторечия среди терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонизмов, если использовать эти наименования в сколько-нибудь определенном терминологическом значении, а не в простом противопоставлении литературной норме материала специальной профессиональной лексики?

Словосочетание “профессиональное просторечие” в настоящее время применяется к различным языковым явлениям. Иногда так характеризуют практически любое словоупотребление профессионалов-специалистов какой-либо области деятельности, не соответствующее или не вполне соответствующее литературной норме. В этом смысле оно охватывает и профессионализмы, и профессиональные жаргонизмы, и некоторые региональные обозначения (“регионализмы” специальной семантики, принятые только в данном регионе) и другие характерные для профессионального словоупотребления единицы специального или неспециального содержания (см. об этом далее). Из недавних работ по этой проблеме сошлемся на статью [16, с. 73–75], в которой к числу просторечных единиц относятся и профессионализмы, и профессиональные жаргонизмы: *чугунка* (чугунно-литейный цех), *дневники́* (работники дневной смены), *ночники́* (работники ночной смены), *сэндвичи* (слоистые заготовки из порошковых и композиционных материалов), *щёчка* (боковая часть звена конвейерной цепи), *овечка* (паровоз серии ОВ) и т.п. (в составе профессионального просторечия оказываются профессионализмы и в работе [33]). Такие неопределенные границы профессионального просторечия можно объяснить только чрезвычайно широким его пониманием как “устной неcodифицированной формы бытования языка для специальных целей” [16, с. 76].

В других случаях единицы, характеризующиеся как слова профессионального просторечия, понимаются как “профессионализмы, имеющие более сниженную стилистическую окраску”, и тогда они иллюстрируются примерами военного просторечия типа *дурила* (шестиствольный немецкий миномет), *собака* (малокалиберная немецкая

пушка), *лаптежники* (пикировщики “Ю-87” с неубирающимися шасси, напоминающими плохо обутые ноги) или обозначения военной техники Советской Армии времен Великой Отечественной войны: *зверобои*, *ишачки*, *ястребки*, *малютки*, *папаша* и др. (примеры из работ А.Н. Кожина, цитированные по монографии [32, с. 30–32]). В настоящей работе этот материал охватывается терминами “**жаргонизм**” и “**профессионализм**”, и, таким образом, в данных случаях уместнее было бы говорить о профессионализмах и жаргонизмах в профессиональной речи военных.

Все случаи подобного понимания и использования термина “профессиональное просторечие” (в широком смысле) требуют комментария.

Во-первых, этот термин относится, скорее всего, к лексике далеко не всех видов профессий и трудовой деятельности, а только тех из них, которые тесно связаны с производством и которые, допуская разную по уровню и, в том числе, высочайшую техническую квалификацию, по-видимому, все же не требуют от использующих их людей высокой интеллектуальной и духовной подготовки. Вряд ли возможно говорить о единицах профессионального просторечия, характерных для сфер квалифицированного интеллектуального труда, как, например, в научно-технической и инженерной области, включая и гуманитарную сферу. Этому решительно противоречит внутренняя форма термина “просторечие”: простая речь, речь простых (людей). В этом смысле не очень естественны словосочетания (словосочетания-оксюмороны) типа “просторечие философов”, “просторечие лингвистов”, “просторечие искусствоведов”, “просторечие политологов”, “просторечие литературоведов” и т.п. Разумеется, у всех специалистов-профессионалов этого профиля есть профессиональные слова, а в их речи могут, наряду с терминологией, использоваться и профессионализмы, и профессиональные жаргонизмы, но характер труда и профессиональных навыков людей данного типа исключает просторечие как социально обусловленный способ коммуникации⁶.

Во-вторых, подобное терминопотребление не соотносится, что следовало бы ожидать, с термином “**просторечие**”, при котором профессиональное просторечие является разновидностью просторечия вообще. Научная литература по просторечию в целом весьма обширна и обнаруживает также разнообразные подходы к пониманию этого явления [26, с. 51–67; 34; 35; 36; 37; 38,

⁶ Здесь, конечно, речь не идет о языковой игре или других видах “лингвистической мимикрии” – пародии, театрализованной имитации и т.п.

с. 53–68]. Согласно словарной статье “Просторечие” Лингвистического энциклопедического словаря, просторечие – “одна из форм *национального языка*, наряду с диалектной, жаргонной речью и *литературным языком*; вместе с народными *говорами* и *жаргонами* составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык; имеет наддиалектный характер. П., в отличие от говоров и жаргонов, – общепонятная для носителей нац. языка речь” [39, с. 402]⁷. В этом определении следует обратить внимание на общепонятность просторечных единиц, в отличие от единиц жаргонных и диалектных. Исследователи характеризуют просторечие как исключительно устную форму общения, обладающую чертами ненормативности (или даже аномативности) и непрестижности; указываются и отличительные черты носителей просторечия – недостаточная образованность, общее и речевое бескультурье, неспособность варьировать свою речь в зависимости от обстоятельств и, в частности, заменить нелитературные способы выражения имеющимися литературными [26, с. 54; 41, с. 67–68]. Как отмечается в словарной статье “Просторечие” энциклопедии “Русский язык”, «просторечно говорящего, как правило, характеризуют неразвитое языковое чутьё и невосприимчивость, “глухота” к различиям между нормативным и ненормативным в языке, обусловленные ограниченным языковым опытом: довольно узким и однородным кругом речевых партнеров (собеседников), отсутствием склонности к чтению, профессией, не требующей “металингвистической” рефлексии, и т.д.» [40, с. 239]. Просторечие охватывает все ярусы языковой структуры от фонетики до синтаксиса, но – что чрезвычайно важно – в качестве лексических иллюстраций просторечия исследователи единодушно приводят лексику типа *аккурат*, *ейный*, *евонный*, *какава* (вместо *какао*), *намедни*, *оттудова*, *признать* (вместо *узнать*), *пуцать* (вместо *пускать*), *серчать*, *скидавать*, *уважать* (о пище, в значении “любить”, например, *уважать капу-сту*), *черед*, *шибко*, *шитво* и т.п.

Из сказанного ясно, что профессиональное просторечие в широком значении этого термина вовсе не образует разновидность просторечия в рассмотренном выше понимании: единицы про-

фессионального просторечия обычно не являются общепонятными, их языковая форма совсем не обязательно вступает в противоречие с литературной нормой, а носители профессионального просторечия могут совершенно не характеризоваться теми свойствами, которые приписываются носителям просторечия вообще. В этой ситуации целесообразно выделить значительно более узкий вариант термина “**профессиональное просторечие**”, который, действительно, означал бы **просторечные единицы, находящиеся за границей литературной нормы и используемые в профессиональной среде для выражения специального профессионального содержания**. Тогда единицы профессионального просторечия были бы той частью профессиональной лексики, которые характеризуются признаками просторечия – общепонятность, ориентированность исключительно на устную форму общения, несоответствие литературной норме, недостаточная речевая культура носителей и т.п. Среди языковых фактов, которые можно было бы оценить как иллюстрацию профессионального просторечия – в этом узком значении – вполне ожидаемо окажутся *ложить печь* (в просторечии печников, вместо *класть* или *складывать печь*), иногда обсуждаемые в широкой печати словечки *осужденный* (вместо *осуждённый*) и *возбужденный* (вместо *возбуждённый*; ср. *возбужденные уголовные дела*, *было возбуждено уголовное дело*) с измененным ударением в профессиональной речи работников правоохранительных органов⁸.

Завершая рассмотрение большого разнообразия терминологических и профессиональных лексических единиц и их классификации, чрезвычайно важно подчеркнуть, что еще до какого-либо проведения классификационных границ между ними, до оценки их свойств и т.п. необходимо хотя бы в какой-то степени установить меру устоявшегося узуса (навыка применения) этих единиц, т.е. **степень регулярности воспроизводства данных единиц в данном их значении**. Языковая единица должна перейти некоторый рубеж ее использования в этом значении для того, чтобы можно было обсуждать норму ее употребления (в том же значении) или, напротив, нарушение нормы ее использования в данном контексте и в данных обстоятельствах. В противном случае в качестве достаточно **узуальных обозначений** (неважно,

⁷ Здесь и далее не учитывается другое значение термина “просторечие”, в частности, продиктованное традицией его употребления в работах по истории русского языка, когда под ним понимается “живая языковая стихия, противопоставляемая как книжно-литературной стихии с заметным церковнославянским компонентом, так и стандартизованному языку древне- и старорусской деловой письменности” [40, с. 391].

⁸ Интересно, что Л.П. Крысиным также выделяется два значения у термина “просторечие”, которые технически оформляются как “просторечие – 1” и “просторечие – 2” [26, с. 56 – 67; 27, с. 56–68]. Принимая это подразделение, следует считать, что *ложить печь* – проявление просторечия 1, а *осужденный* и *возбужденный* – просторечия 2.

терминов ли, профессионализмов или других обсуждавшихся лексических образований) могут ошибочно оказаться лексические образования, имеющие лишь **окказиональный характер**, характер индивидуального авторского употребления здесь и сейчас, использования *ad hoc*. Часто такое употребление сопровождается метафорическими и метонимическими переносами, понятийной аналогией и т.п., а на письме оформляется кавычками. В качестве примеров приведем номинативные образования профессионально-терминологического характера из известного учебника по языкознанию [6], которые, как представляется, хорошо иллюстрируют сложность принятия решения об узуальном или окказиональном характере подобных образований, то есть единиц совершенно индивидуальных и практически неповторяющихся и невозпроизводимых (а только после такого решения возможна постановка вопроса об их дальнейшем классифицировании в качестве терминов или профессионализмов). Так, в числе текстовых фрагментов, содержащих нигде не определяемые специальные термины, в этой работе встречаются: *“снятие”* противопоставления, *“выталкивание”* одного из гласных, *“гетерограмма”*, *“добавки”* к значению слова, *“запись идей”*, *“иностранщина”*, *“морфемный шов”*, *“мягкий”* согласный, *“оценочное слово”*, *“патетические”* слова и обороты, *“предок”* родственных языков, *“производящее”* сочетание слов, *“распределение”* элемента языка, *“расщепление”* значения слова на составляющие, *“расщепление”* значения (слова) на семы, *“речевое произведение”*, *“символический”* принцип написания, *“смягчающее выражение”*, *“фонетическое тело”* слова, *“форма”* знака, *“ядро”* высказывания.

Некоторые из этих единиц, по всей вероятности, уже в настоящее время вполне могут рассматриваться как соответствующие профессиональной норме термины (и, соответственно, писаться без кавычек), например: *снятие* противопоставления, *гетерограмма*, *морфемный шов*, *мягкий согласный*, *оценочное слово*, *производящее сочетание слов*, *расщепление значения слова на составляющие*, *расщепление значения (слова) на семы*, *символический принцип написания*, *смягчающее выражение*. Другие, скорее всего, занимают промежуточное положение между термином и лингвистическим профессионализмом; таковы *“иностранщина”*, *“предок”* родственных языков, *“ядро”* высказывания. Наконец, еще одну часть, по-видимому, правильнее всего охарактеризовать как профессиональные окказионализмы: таковы *“выталкивание”* одного из гласных, *“добавки”* к значению слова, *“накладывание”* грам-

мем на слова, *“патетические”* слова и обороты, *“фонетическое тело”* слова (отсутствие профессиональных жаргонизмов в учебной литературе легко объяснимо требованиями жанра).

Таким образом сам вопрос о наличии у всех обсуждавшихся профессиональных обозначений перечисленных свойств может обсуждаться только после того, как установлена достаточная их воспроизводимость в соответствующем значении, гарантирующая их выход за рамки профессиональных окказионализмов в область достаточно регулярно используемой терминологической или профессиональной лексики.

Итак, мы попытались представить некоторые взгляды на состав основных классов профессиональной лексики и их взаимоотношения. При этом признаков-характеристик, дифференцирующих эти классы, вообще говоря, не так много. К ним относятся: 1. окказиональность – неокказиональность использования данного языкового обозначения (слова или словосочетания) в данном значении; 2. соответствие – несоответствие языкового обозначения литературной и профессиональной норме; 3. сфера употребления обозначения с различными подразделениями: а) *“общая – широкая – узкая”*, б) *“устная (разговорная) – письменная”*, в) *“официальная ситуация общения – неофициальная ситуация общения”*; 4. степень оценочности и экспрессивности обозначения с подразделениями: *“нейтральность – эмоциональная (экспрессивная) окрашенность – резко выраженная оценочность и экспрессивность”*; 5. *“внутреннее устройство”* языкового обозначения и, в частности, степень мотивированности его итогового смыслового содержания смысловым содержанием различных его терминологических элементов с подразделениями: *“полная мотивированность – частичная мотивированность – немотивированность”*; 6. различные социолингвистические характеристики лица, использующего данное обозначение, включающие: а) уровень его образования и степень владения языковой нормой, б) умение варьировать свою речь в зависимости от обстоятельств общения, в) уровень квалификации его профессионального труда⁹. Некоторые исследователи в число призна-

⁹ Как уже отмечалось, здесь мы ограничились рассмотрением профессиональной лексики, называющей специальные понятия. При выяснении соотношения терминологии и профессиональной лексики в полном объеме чрезвычайно важным оказывается противопоставление *“специальное понятие (относительно понятий, которые обозначаются лексикой общего языка) – неспециальное (общее) понятие”*, ибо имеются единицы профессиональной лексики, не называющие специальных понятий.

ков, играющих важнейшую дифференцирующую роль в типологии профессиональных единиц, включают также наличие или отсутствие синонимичных для данного обозначения языковых знаков, обладающих некоторыми заданными свойствами (например, соответствием литературной или профессиональной норме).

При общем сравнительно небольшом числе таких характеристик число их различных сочетаний огромно, что, в основном, обусловлено разнообразием внеязыковых ситуаций использования соответствующих языковых единиц. К этому необходимо добавить, что большинство из перечисленных характеристик не бинарны, а градуальны, шкалированы, т.е. слова и словосочетания, обладающие этими характеристиками, проявляют их в различной степени. Именно разнообразным сочетанием этих характеристик и различной степенью их проявления и обуславливается существование столь разнообразной и разнородной лексики специального характера.

Между терминологической и профессиональной лексикой нет ни тождественных отношений, ни отношений включения, а существует отношение пересечения, при котором имеется обширная общая совокупность специальной лексики, включенная как в состав терминологии, так и в состав профессиональной лексики. В то же время имеются лексические образования, насчитывающие сотни и тысячи единиц и входящие только в один из этих классов – либо только в терминологию, либо только в профессиональную лексику. При этом имеется три принципиальных линии расхождения этих понятий: а) характер деятельности, в сфере которой соответствующий языковой знак функционирует и которая оценивается как профессиональная или непрофессиональная, б) отношение к литературной или профессиональной норме, выраженное в соответствии или несоответствии ей, в) наконец, характер семантики обозначаемого, отражающий специальность или неспециальность обозначенного понятия.

Профессиональная лексика специального понятийного содержания, удовлетворяющая требованиям литературной или профессиональной нормы, совпадает с терминологией (той же профессией). Профессиональную лексику специального понятийного содержания, не удовлетворяющую требованиям литературной или профессиональной нормы, составляют подклассы профессионализмов, профессиональных жаргонизмов и единиц профессионального просторечия (в узком смысле). При этом в силу самого явления профессионального просторечия для его единиц всегда существуют

нормативные, полностью синонимичные эквиваленты. Для профессионализмов и профессиональных жаргонизмов могут существовать, а могут и не существовать параллельные нормативные синонимические эквиваленты (выражающие то же специальное содержание), что не меняет сути данных лексических явлений, но важно для дальнейшего существования этих единиц и их дальнейшего вхождения или невхождения в новый языковой статус в словарный запас соответствующей сферы деятельности, дисциплины, науки и т.п. В составе профессионализмов выделяются профессионально терминированные наименования как единицы, не имеющие соответствующих нормативных синонимических эквивалентов.

Таковы, с точки зрения авторов, соотношения между основными классами профессиональной лексики, широкие исследования которых, как представляется, во многом еще впереди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 76–87.
2. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы (К вопросу о классах специальной лексики) // V Международная научно-практическая конференция “Прикладная лингвистика в науке и образовании” памяти Р.Г. Пиотровского. Материалы. СПб: Изд-во Лемма, 2010. С. 328–339.
3. Калинин А.В. Лексика русского языка. Изд. 3. М.: МГУ, 1978. 232 с.
4. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968. С. 103–125.
5. Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. Русско-англо-немецко-французский / Сост. И.С. Щукин. М.: Советская энциклопедия, 1980. 703 с.
6. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учебник для филологических спец. вузов. Изд. 3-е, испр. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.
7. Сербинковская Н.В. Терминологическое поле “Маркетинг” в русском языке. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. 234 с.
8. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. 156 с.
9. Гринев С.В. Введение в терминоведение: Учебное пособие. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
10. Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki: Helsinki University, 2007. 443 с.

11. Шелов С.Д., Лейчик В.М. Терминологическая норма в освещении российских лингвистов в период 70–80-х гг. XX века // Термінологічний вісник: Збірник наукових праць. – К.: ІУМ НАНУ, 2011. Вип. 1. С. 7–18.
12. Прохорова В.Н. Профессионализм // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Карулова. М.: Научное изд-во “Большая Российская энциклопедия”, 2003. 704 с.
13. Словарь профессионально терминологической экономической лексики. Изд. 2-е., доп. Сост. Н.М. Карпухина. М.: Изд-во Российской экономической академии, 2004. 88 с.
14. Карпухина Н.М. Профессионально терминологические наименования экономической сферы деятельности: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Кожина. М.: Изд-во Московского Гуманитарного ун-та, 2007. 108 с.
15. Голованова Е.И. Прагматические характеристики единиц профессиональной коммуникации // Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты: Сб. докладов Международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 94–96.
16. Фельде (Борхвальдт) О.В. Профессиональное просторечие как лингвистический феномен // Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума. М.: Издательский центр “Азбуковник”, 2010. С. 71–76.
17. Медведева Н.Н. Характерные особенности профессионализмов английского языка // Структура словаря и вопросы словообразования германских языков: Межвузовский сборник научных трудов. Пятигорск, 1981. С. 51–73.
18. Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 311–359.
19. Успенский Л. В. Материалы по языку русских летчиков // Язык и мышление: Сб. статей. Т. 6–7. Л., 1936. С. 161–217.
20. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Изд. центр “Академия”, 2008. 304 с.
21. Даниленко В.П., Карпинская Е.В., Новикова Н.В. Культура научной и профессиональной речи // Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 1999. С. 169–215.
22. Прохорова В.Н. Семантика термина // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 3. С. 23–32.
23. Малюга Е.Н. Английские профессионализмы как компоненты профессионального жаргона в деловом дискурсе / Эл. ресурс: <http://www.nop-dipo.ru/node/167>.
24. Беглова Е.И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: Автореф. дис... д-ра филол. наук. М.: МГОУ, 2007. 48 с.
25. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
26. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.
27. Крысин Л.П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
28. Петушков В.П. Лингвистика и терминоведение // Терминология и норма. М., 1972. С. 102–116.
29. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1959. 14 с.
30. Прохорова В.Н. Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 153–159.
31. Салимова Р.Х. Современное профессиональное просторечие. (На материале военной русской лексики советской эпохи): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1974. 22 с.
32. Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи: На материале русского и французского языков. Изд. 2-е. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. 144 с.
33. Бурцева В.В. Профессионализмы в словарях // Русская речь. 1975. № 3. С. 96–100.
34. Литературная норма и просторечие / Под ред. Л.И. Скворцова. М.: Наука, 1977. 254 с.
35. Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелёв. М.: Наука, 1984. 189 с.
36. Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании: Тезисы докладов международной конференции. М., 1998. С. 20–21.
37. Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2000. 272 с.
38. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
39. Бельчиков Ю.А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: “Советская энциклопедия”, 1990. С. 402.
40. Журавлёв А.Ф. Просторечие // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Научное изд-во “Большая Российская энциклопедия”, 2003. 704 с.
41. Земская Е.А., Китайгородская М.В. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. М., 1984. С. 66–102.